

УДК 341.6

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СУД КАК СРЕДСТВО РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ НА ФОНЕ НЕОБХОДИМОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

© 2025 г. Г. Г. Шинкарецкая

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: gshink@yandex.ru

Поступила в редакцию 31.10.2024 г.

Аннотация. В статье отмечается, что многие споры между государствами приводят к возникновению конфликтных отношений и даже к вооруженным столкновениям между ними. Поэтому органы мирного разрешения споров нередко играют важную роль в предотвращении конфликтов и тем самым в обеспечении международной безопасности. Международному Суду ООН принадлежит еще одна важная функция – разрешая споры между государствами по поводу толкования тех или иных международно-правовых понятий, этот суд способствует внедрению единого толкования, то есть приведения государств к единым позициям. Решения по нескольким спорным делам и консультативные заключения Суда показывают, что в вопросах агрессии или неправомерного применения силы Суд иногда не полностью опирается на действующее и признанное международное право.

Ключевые слова: органы мирного разрешения международных споров, Международный Суд, Совет Безопасности, ООН, самооборона, превентивная самооборона, агрессия, политические споры, международная безопасность, необходимость и пропорциональность в применении силы.

Цитирование: Шинкарецкая Г.Г. Международный суд как средство разрешения споров на фоне необходимости обеспечения международной безопасности // Государство и право. 2025. № 1. С. 174–182.

DOI: 10.31857/S1026945225010159

THE INTERNATIONAL COURT OF JUSTICE AS A MEANS OF DISPUTE RESOLUTION AGAINST THE BACKGROUND OF THE NEED TO ENSURE INTERNATIONAL SECURITY

© 2025 G. G. Shinkaretskaya

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: gshink@yandex.ru

Received 31.10.2024

Abstract. The article notes, that many disputes between States lead to conflict relations and even armed clashes between them. Therefore, peaceful dispute resolution bodies often play an important role in conflict prevention and thus in ensuring international security. The International Court of Justice of the United Nations has another important function – by resolving disputes between States over the interpretation of certain international legal concepts, this court promotes the introduction of a common interpretation, that is, bringing states to common positions. The decisions in several controversial cases and the advisory opinions of the Court show that in matters of aggression or the unlawful use of force, the Court sometimes does not fully rely on current and recognized international law.

Key words: bodies for the peaceful settlement of international disputes, the International Court of Justice, the Security Council, the United Nations, self-defense, preventive self-defense, aggression, political disputes, international security, necessity and proportionality in the use of force.

For citation: *Shinkaretskaya, G.G. (2025). The International Court of Justice as a means of dispute resolution against the background of the need to ensure international security // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 174–182.*

Введение

В конце Второй мировой войны, выражая решимость не допустить больше такой кровавой бойни, державами-победительницами был создан, как тогда казалось, эффективный инструмент обеспечения коллективной безопасности – Организация Объединенных Наций. Для реализации ее функций было предусмотрено создание главных органов ООН: Генеральной Ассамблеи, Совета Безопасности, Экономического и Социального Совета и Международного Суда. Статут Международного Суда составляет часть Устава ООН. В его ст. 1 сказано, что Международный Суд учреждается в качестве главного судебного органа Объединенных Наций. Это странно, потому что других судебных органов в ООН не предусмотрено. Важно (что касается компетенции Суда, его организации и судопроизводства), что Суду приданы качества судебного учреждения.

Между тем в течение долгого времени считалось, что вопросы безопасности являются слишком чувствительными для государств, затрагивают слишком важные для них вопросы внутреннего устройства, а потому не могут решаться международным органом. На фоне меняющейся геополитической обстановки в мире возрастает потребность в разнообразии средств улаживания разногласий. В Стратегии

национальной безопасности Российской Федерации¹ говорится: «Современный мир переживает период трансформации. Увеличение количества центров экономического и политического развития, укрепление позиций новых глобальных и региональных стран-лидеров приводят к изменению структуры мирового порядка, формированию новой архитектуры, правил и принципов мироустройства».

Заслуживает внимания роль, которую в обеспечении международной безопасности могут сыграть средства мирного разрешения международных споров, в частности Международный Суд.

Международный Суд прямо касался вопросов безопасности или военных операций в 13 спорных делах и четырех консультативных заключениях. Кроме этого на рассмотрение Суда было передано еще 21 спорное дело, затрагивающее безопасность, по которым Суд не вынес решения по существу. Наиболее важными по своему юридическому содержанию являются только четыре решения дел по существу и два консультативных разбирательства: это дела *о проливе Корфу*², *о военной и полувоенной деятельности против*

¹ Утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 (см.: СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II), ст. 5351).

² См.: Corfu Channel, Merits, Judgment of 9 Apr 1949, ICJ Reports 1949.

*Никарагуа*³, дела о нефтяных платформах⁴, о вооруженной деятельности⁵, а также консультативные заключения: по ядерному оружию⁶ и по строительству стены, отделяющей палестинскую территорию⁷. В других делах Суд нашел, что не имеет юрисдикции (дело о воздушных инцидентах в 1950-х годах; о законности применения силы (Югославия против 10 стран НАТО); о воздушном инциденте 10 августа 1999 г. (Пакистан против Индии); Конго против Руанды (новое обращение); о применении Международной конвенции об искоренении всех форм расовой дискриминации (Грузия против России)). Два обращения (о воздушном инциденте 3 июля 1988 г. (Иран против США) и пограничных военных действиях (Никарагуа против Гондураса)) были отозваны. Суд фактически уклонился от вынесения решения по пограничным спорам между Камеруном и Нигерией; между Никарагуа и Колумбией и между Коста-Рикой и Никарагуа. Еще некоторые другие споры содержали в себе элемент применения силы, но Суд не выделил их для специального рассмотрения. Это дела о рыболовной юрисдикции (Великобритания против Исландии); о заложниках в Тегеране (Иран против США); о применении Конвенции о предотвращении и наказании геноцида (Босния против Сербии) и о геноциде Югославии на территории Хорватии.

Во всех делах (и законченных, и незаконченных) Суд однозначно высказывался о правомерности запрещения применения силы. Примечательны и цифры голосования: если условно причислить всех принимавших участие в рассмотрении дел к голосовавшим, мы получим, что из 93 человек 75 проголосовали «за» (80.65%), в то время как лишь 18 высказали особое мнение (19.35%). Следует признать, что по конкретным юридическим аргументам было достигнуто меньшее согласие, поскольку из 75 голосов, поданных большинством, 28 были представлены в виде отдельных мнений (37.3%). Это указывает на большее согласие в отношении исхода дела, чем в отношении применимых норм права⁸.

Право Суда решать политизированные дела

В наше время не вызывает сомнений, что Суд может принимать решения по политически

чувствительным вопросам, даже связанным с вооруженным конфликтом, в том числе с продолжающимся⁹. Более того, главная роль Совета Безопасности в поддержании международного мира и безопасности и его особые функции в отношении самообороны не исключают юрисдикции Международного Суда частично по тем делам, которыми занимается Совет Безопасности¹⁰.

Суд обратился к этой проблеме в самом первом деле, переданном ему на рассмотрение. Это было дело о проливе Корфу между Албанией и Великобританией¹¹. Дело возникло после того, как в территориальном море Албании британские корабли подорвались на минах, оставшихся после Второй мировой войны. Сначала Британия обратилась в Совет Безопасности, но Совет Безопасности рекомендовал сторонам передать спор в Суд, поскольку в то время еще не было нормы о свободном проходе военных кораблей в территориальном море другого государства, на котором настаивала Британия, а албанское законодательство запрещало такой проход¹². Британия направила свои тральщики в территориальное море Албании, чтобы убрать мины.

Суд вынес решение об ответственности Албании на том основании, что каждое государство обязано не допускать сознательного использования своей территории для действий, противоречащих правам других государств. Однако направленные тральщики Суд расценил как неправомерное применение силы, к которому неприменимо понятие самообороны.

Таким образом, Суд обратил внимание на нарушения международного права, но не те, на которые указывал Совет Безопасности. И хотя Суд не указал прямо на политическую суть спора, но он показал, что из политического иска он выделяет юридическую часть, которая составляет его задачу.

Наиболее четко позиция Суда относительно политизированных исков проявилась в решении по делу о военных и полувоенных действиях в Никарагуа. Данное дело возникло после того, как в Никарагуа пришло к власти левое сандинистское правительство (совершенно законно, в результате

³ См.: Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua, ICJ Reports (1986).

⁴ См.: Case Concerning Oil Platforms (Iran v. US), Judgment of 6 Nov 2003, ICJ Rep 2003.

⁵ См.: Case Concerning Armed Activities on the Territory of the Congo (DRC v. Uganda), Judgment of 19 Dec 2005, ICJ Rep 2005.

⁶ См.: Legality of the Threat of Use of Nuclear Weapons, ICJ Reports (1996) 226.

⁷ См.: Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory, ICJ Reports (2004).

⁸ См.: *Chehtman A.* The use of force at the International Court of Justice. CUP, 2021. P. 17.

⁹ См.: Емельянова Н. Н. Принцип мирного разрешения споров как средство обеспечения международной безопасности // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2012. № 3. С. 132; Solera O. Defining the Crime of Aggression. London, 2007. Pp. 247–251.

¹⁰ См.: Джаробеков Ж. М., Нуриев Д. Ш. Совершение преступлений против мира и безопасности человечества как нарушение принципов международного права // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. Vol. 8–1(83). Pp. 32–35.

¹¹ См.: Corfu Channel Case, Merits, Judgment of 9 Apr 1949, ICJ Rep 1949, 4.

¹² См.: ICJ Reports (1949). P. 4 at 26.

выборов). Многие люди, не согласные с новым режимом, стали организовывать партизанское сопротивление, а США предоставили свою территорию для лагерей контраст – для тренировок, размещения оружия и т.п. Никарагуа обратилась в Международный Суд, утверждая, что такие действия США представляют собой акт незаконного применения силы. Когда Суд рассматривал вопрос о наличии у него юрисдикции в данном деле, США оспорили приемлемость этого иска на том основании, что он был по сути политическим и не подходил для рассмотрения Судом¹³. Суд отклонил это заявление и отверг идею о том, что ему может быть отказано в рассмотрении нормы международного права, касающейся применения силы, в силу какой-либо доктрины, касающейся международных политических вопросов. Суд постановил: следует помнить, что, как показывает дело о канале Корфу, Суд никогда не уклонялся от рассмотрения переданного ему дела только потому, что оно имело политические последствия или включало серьезные элементы применения силы¹⁴. Суд, в частности, признал «юридический аспект» права на самооборону. В данном случае ясно видна поддержка Судом известного заявления Международного военного трибунала в Нюрнберге о том, что независимо от того, были ли действия, предпринятые под любым предлогом, на самом деле агрессивными или оборонительными, в конечном счете они должны быть предметом расследования и судебного разбирательства, если мы хотим, чтобы международное право действительно применялось¹⁵.

США отказались принимать какое-либо дальнейшее участие в разбирательстве в Суде. Сопrotивление США юрисдикции Суда в этом (и последующих) делах может свидетельствовать о том, что они были не уверены в обоснованности своей позиции.

*Дело о нефтяных платформах*¹⁶ поступило в Международный Суд на фоне враждебных отношений между США и Ираном после Исламской революции в этой стране. Иск Ирана в 2003 г. касался разрушения Штатами нескольких нефтедобывающих платформ под флагом Ирана в Персидском заливе. США расценивали свои действия как меру самообороны в ответ на атаки Ирана на несколько американских военных и торговых судов. Суд проявил, можно сказать, избирательную позицию: не учитывая некоторые процессуальные

моменты, Суд заявил, что его задача – рассмотреть международно-правовые аспекты права на самооборону, на которые ссылались США.

Дело о вооруженных действиях (Демократическая Республика Конго против Уганды)¹⁷ возникло в связи с широкомасштабным вмешательством Уганды в сложный конфликт в ДРК в 1998–2003 гг. В иске 2005 г. ДРК просила Суд признать Уганду виновной в акте агрессии по смыслу общепризнанного определения агрессии и судебной практики Международного Суда. Признание юрисдикции Суда осложнялось тем, что дело одновременно находилось на рассмотрении Совета Безопасности. Совет принял ряд резолюций: в резолюции 1234 (1999) он признал право Уганды на самооборону, а в резолюции 1304 (2000) осудил вооруженные столкновения между Угандой и Руандой на территории Конго. Суд не стал рассматривать те ситуации, которые привлекли внимание Совета, но заявил, что «незаконное военное вмешательство Уганды имело такие масштабы и продолжительность, что Суд рассматривает его как серьезное нарушение запрета на применение силы, изложенного в пункте 4 статьи 2 Устава», а также что «Уганда нарушила принцип неприменения силы в международных отношениях и принцип невмешательства». В решении Суда нет признания Уганды виновной в агрессии, и судья Зимма в своем особом мнении назвал это отсутствие ссылки на агрессию или на ст. 2(4) «преднамеренным упущением».

Учтем, что Совет Безопасности воздержался от вынесения определения в соответствии со ст. 39 Устава ООН о том, что Уганда совершила акт агрессии. Опуская судебный вывод на этот счет, Суд, возможно, хотел избежать впечатления дисгармонии в подходе обоих органов ООН к одному и тому же конфликту.

В консультативном заключении о *правомерности угрозы ядерным оружием* Суд заявил, что если применение силы незаконно, то установленная угроза ее использования запрещена по п. 4 ст. 2 Устава ООН, поскольку в этом пункте применение силы и ее угроза помещены рядом¹⁸. Правда, не все комментаторы с этим согласны. Главный вопрос в данном деле – правомерно ли использовать ядерное оружие в целях самообороны, и Суд не смог ответить определенно, запрещено ли его применение в том случае, когда самое существование государства оказывается под вопросом. Мнения судей разделились точно поровну – 7:7. Дело разрешилось голосом Председателя Суда, а последствием были

¹³ См.: Case Concerning Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua, Judgment, Jurisdiction of the Court and Admissibility of Application of 26 Nov 1984, para 96.

¹⁴ См.: ICJ Reports (1984) 431–438; (1986) 14, para 32–35.

¹⁵ См.: Nicaragua, Judgment, Jurisdiction of the Court and Admissibility of Application, para 98.

¹⁶ См.: Case Concerning Oil Platforms (Iran v. US), Judgment of 6 Nov 2003, ICJ Rep 2003, 161.

¹⁷ См.: Case Concerning Armed Activities on the Territory of the Congo (DRC v. Uganda), Judgment of 19 Dec 2005, ICJ Rep 2005, 168.

¹⁸ См.: Legality of the Threat of Use of Nuclear Weapons, ICJ Reports (1996). P. 226.

пять деклараций, три отдельных мнения и шесть отклоняющихся мнений судей, т.е. о едином мнении говорить невозможно.

В консультативном заключении о *правомерности строительства стены* на палестинской территории¹⁹ Суд исследовал утверждение Израиля о том, что строительство стены – это мера самообороны. Представитель Израиля утверждал в своем выступлении в Генеральной Ассамблее ООН, что строительство стены полностью соответствует ст. 51 Устава и резолюциям Совета Безопасности 1368 (2001) и 1373 (2001), принятых после террористических атак 9 сентября 2001 г. Суд отверг утверждения Израиля.

Суд отметил, что в ст. 51 Устава неотъемлемое право каждого государства на самооборону против вооруженной атаки другого государства. Но палестинские территории находятся под контролем самого Израиля, и Израиль не обвиняет никакое другое государство в атаке на него; угроза поступает изнутри, а не извне. Ситуация совсем иная, чем предусмотренная резолюциями.

Соотношение полномочий Совета Безопасности и Международного Суда

В деле *Никарагуа* США утверждали, что вопрос о незаконном применении силы относится Уставом ООН к компетенции политических органов организации и, по сути, Совета Безопасности. Суд счел, что тот факт, что дело находится на рассмотрении Совета Безопасности, не должен препятствовать его рассмотрению Судом и что оба разбирательства могут проводиться на равных началах. Суд подчеркнул, что ст. 24 Устава ООН возлагает на Совет Безопасности главную, но не исключительную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, и что ни одно положение Устава не разграничивает компетенцию Совета Безопасности и Суда. В свете этого Суд пришел к выводу: оба органа могут выполнять свои отдельные, но дополняющие друг друга функции в отношении одних и тех же событий.

Фактически в деле *Никарагуа* Суд подчеркнул, что его «не просили говорить о том, что Совет Безопасности был неправ в своем решении», или что в том, как члены Совета использовали свое право голоса, не было ничего противоречащего праву. Несколько другую ситуацию Суд занял в деле о *вооруженных действиях*. Здесь Суд скорее уклонился от определения того, являлась ли широкомасштабная военная операция Уганды в Демократической Республике Конго актом агрессии, возможно потому, что Совет Безопасности

воздержался от вынесения определения в соответствии со ст. 39 Устава ООН о том, что Уганда совершила акт агрессии.

В целом позиция Суда в данном вопросе определяется конкретно в каждом отдельном случае.

Признавая центральное место Совета Безопасности среди органов ООН, Суд применил это его центральное место для определения международно-правового понятия самоопределения: ст. 51 Устава требует, чтобы «о мерах, принимаемых государствами-членами в порядке осуществления ими этого права на самооборону, немедленно сообщалось Совету Безопасности». Это положение получило новую жизнь, стало реально действующим благодаря решению Суда по *Никарагуа*. До принятия этого решения данное требование воспринималось в общем как факультативное, но с тех пор государства, как правило, заботились о том, чтобы сообщать Совету Безопасности о применении силы в целях самообороны. В решении по *Никарагуа* Суд постановил, что, хотя это требование и не является частью обычного международного права, но непредставление отчетности могло свидетельствовать о том, что государство на самом деле не считало, что действует в целях самообороны. В деле *ДРК против Уганды*, когда дело дошло до определения того, может ли применение силы Угандой на территории ДРК квалифицироваться как самооборона, Суд без комментариев отметил, что Уганда не сообщила Совету Безопасности о событиях, которые, по ее мнению, требовали от нее действий в целях самообороны. Очевидно, Суд рассматривал это как дополнительный фактор, указывающий на незаконность действий Уганды, хотя и не указывал на это прямо. В решении по делу о *нефтяных платформах* Суд принял во внимание отчеты США в Службу безопасности Совета при рассмотрении характера его заявления о самообороне.

Определение Судом отдельных аспектов принципа неприменения силы

В рассмотренных Судом делах и вынесенных им консультативных заключениях сформулированы некоторые его позиции по различным аспектам вопросов безопасности:

а) запрет применения силы

Суд утверждал, что норма ст. 2(4), запрещающая применение силы или угрозу силой в соответствии с международным правом, является «кардинальным принципом» и одним из краеугольных камней международной правовой системы. Он также утверждал, что эта норма, безусловно, является частью обычного международного права и скорее всего нормой *jus cogens*. Отсюда следует, что данная норма обязательна для всех государств.

¹⁹ См.: Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory, ICJ Reports (2004) 136.

Примечательно, что Суд при этом не ссылаясь на Устав ООН, нормы которого фактически распространены на все государства – и членом ООН, и не членом, в силу п. 6 ст. 2: «Организация обеспечивает, чтобы государства, которые не являются ее Членами, действовали в соответствии с этими Принципами, поскольку это может оказаться необходимым для поддержания международного мира и безопасности». Вместо этого Суд посчитал, что Декларация принципов²⁰ кодифицирует обычные нормы. Формулировка в Декларации дословно воспроизводит п. 4 ст. 2 Устава.

Отметим некоторые особенности запрета применения силы в позиции Суда. Для констатации нарушения международного права о запрете применения силы не требуется наличия физических нарушений: в деле о *проливе Корфу* Международный Суд посчитал нарушением присутствие британских военных кораблей в территориальном море другого государства без его согласия, хотя это не повлекло за собой причинения физического вреда людям или имуществу. В другом деле Суд квалифицировал как нарушение принципа неприкосновенности незаконную военную оккупацию Угандой части территории Демократической Республики Конго.

В том же деле о *проливе Корфу* Суд отклонил довод Великобритании о том, что норма ст. 2(4) распространяется только на действия, которые угрожают территориальной целостности или политической независимости иностранного государства. Таким образом, Суд отклонил предположение о том, что международное право запрещает только «агрессивное» применение силы, в то время как оно допускает и различные формы неагрессивных военных действий.

Одним из сложных вопросов применения силы всегда является вопрос о действиях, осуществляемых негосударственными вооруженными группами. В деле *Никарагуа* Суд счел, что вооружение и подготовка негосударственных субъектов, воюющих на территории другого государства против его вооруженных сил, подпадают под действие запрета на применение силы, и исключил из этого запрета только «простое предоставление финансовых средств». Это вполне соответствует Декларации о дружественных отношениях 1970 г., согласно которой государство обязано «воздерживаться от организации или поощрения организации нерегулярных сил или вооруженных банд... [и] воздерживаться от организации, подстрекательства,

оказания помощи или участия в гражданских беспорядках или террористических актах в другом государстве»;

б) *понятие самообороны*

Поскольку самооборона – единственный правомерный вид вооруженных индивидуальных или коллективных действий, важно увидеть, как трактовал его Международный Суд.

Начнем с того, что Суд прямо заявил, что нормы о самообороне предусмотрены как в Уставе ООН, так и в международном обычном праве в соответствии с признанием неотъемлемого права в ст. 51 Устава, уточнив в решении по делу *Никарагуа*, что «по ряду вопросов области, регулируемые двумя источниками права, не совсем совпадают, а материально-правовые нормы, в которых они сформулированы, не идентичны по содержанию».

Согласно ст. 51 право на самооборону реализуется «в случае вооруженного нападения»²¹. Уточняя свою позицию, в решении по делу *Никарагуа* Суд заявил, что «в настоящее время, по-видимому, достигнуто общее согласие относительно характера действий, которые могут рассматриваться как вооруженное нападение». Однако уточнил, что следует проводить различие между «наиболее тяжкими формами применения силы (представляющими собой вооруженное нападение) и другими, менее тяжкими формами». Это означает, что понятие «вооруженное нападение» Суд отличал от понятия «запрещенное применение силы» в соответствии со ст. 2(4). Однако Международный Суд никогда четко не указывал, где следует проводить грань между действиями, которые дают право на применение силы в целях самообороны, и теми, которые, хотя и нарушают запрет на применение силы, такого права не дают. В решении по делу *Никарагуа* Суд квалифицировал в качестве вооруженного нападения направление государством или от его имени вооруженных банд, группировок, нерегулярных формирований или наемников, которые совершают акты применения вооруженной силы против другого государства, настолько серьезные, что они равносильны перечисленным выше деяниям, или его существенное участие в этих действиях. Более конкретно, к числу таких действий относятся «вторжение на территорию другого государства или любая военная оккупация», «бомбардировка территории другого государства», блокада портов или побережий вооруженными силами, нападение сухопутных, морских или воздушных сил или морского и воздушного флота другого государства.

²⁰ См.: Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24.10.1970 г.

²¹ *Кутейников А. Е.* Нормативные основания мирового порядка. ООН и другие международные организации // *Обозреватель=Observer*. 2022. № 7–8(390–391). С. 91–107.

Напротив, в решении по делу *о нефтяных платформах* Суд уточнил, что не может исключить возможность того, что минирование одного военного судна может быть достаточно для реализации неотъемлемого права на самооборону. Даже если признать, что оцениваемая атака была весьма серьезной (судно было выведено из строя и едва не затонуло), контраст с оценками в деле *Никарагуа* разителен.

В спорных делах всегда важным элементом является доказывание. В решении по делу *о нефтяных платформах* Суд коротко заявил, что «бремя доказывания действий, свидетельствующих о совершении нападения, лежит на государстве, которое утверждает, что действовало в целях самообороны». Многие комментаторы справедливо упрекали Суд за то, что он не уделил достаточно внимания стандарту доказывания. Кроме того, в деле *о нефтяных платформах* Суд предположил, что порог, соответствующий допустимой силе защиты, может быть достигнут путем «совокупной» серии небольших атак. Факты говорят о том, что никаких повторяющихся или продолжающихся нападений со стороны Ирана на США не было. Однако большинство членов Суда косвенно подтвердили возможность совокупной серии действий, составляющих вооруженное нападение, в деле *о вооруженной деятельности*;

в) вопрос о превентивной самообороне

Суд рассмотрел вопрос о том, допускается ли применение силы в целях самообороны до того, как произойдет вооруженное нападение, т.е. будет ли законной предварительная, упреждающая или превентивная самооборона. Это был один из самых спорных вопросов. В решении по делу *Никарагуа* Суд заявил, что он не будет выражать «никакого мнения по этому вопросу», потому что вопрос о законности реагирования на непосредственную угрозу вооруженного нападения перед ним не ставился. Кроме того, Суд заявил, что ст. 51 Устава может оправдать применение силы в целях самообороны только в установленных ею строгих рамках. Она не допускает применения силы для защиты *предполагаемых* интересов безопасности, выходящих за эти рамки. Это заявление было истолковано как категорическое отрицание законности самообороны от угрозы, даже и неминуемой угрозы. По сути, последний вопрос не был предметом разногласий между сторонами на стадии рассмотрения дела по существу. Хотя Уганда и упоминала, что ей угрожает ДРК, она никогда прямо не ссылалась на право на предварительную самооборону.

Вопрос о правомерности самообороны при появлении угрозы атаки — один из самых спорных во всей проблеме применения силы. Однозначного ответа Суд не давал, и судьи в своих комментариях

толковали позицию Суда по-разному. По нашему мнению, в аргументации Суда есть элементы, которые указывают на его решительный отказ от признания правомерности превентивной самообороны.

Так, Суд отметил, что в документе Верховного командования Уганды, в котором излагалась официальная позиция Уганды в отношении применения силы, не упоминались вооруженные нападения, которые уже имели место против Уганды; вместо этого в документе говорилось, что применение силы было необходимо «для обеспечения законных интересов безопасности Уганды». Указанные в нем интересы безопасности носили, по сути, превентивный характер. Позднее в своем решении Суд указал, что ст. 51 оправдывает применение силы в целях самообороны только в строго установленных ею пределах. Она не допускает применения силы государством для защиты *предполагаемых* интересов безопасности, выходящих за рамки этих параметров.

В своем заключении по ядерному оружию Суд избежал рассмотрения аргумента о том, что особый характер ядерного оружия оправдывает упреждающую самооборону, что угроза, которую оно представляет, настолько велика, что государство — возможная мишень не может пассивно ждать удара. В настоящее время ставится вопрос о том, чтобы признавать и передачу ядерного оружия как повод для самообороны;

г) необходимость и пропорциональность

Эти требования не упоминаются в ст. 51 Устава²². В деле *Никарагуа* Суд, однако, признал, что существует «конкретное правило, согласно которому самооборона оправдывает только те меры, которые пропорциональны вооруженному нападению и необходимы для реагирования на него, — правило, прочно закрепленное в международном обычном праве». Далее он предположил, что невыполнение этих требований может «представлять собой дополнительное основание для признания действий противоправными».

Прежде всего скажем об общем подходе Суда к критерию необходимости. Суд считал, что анализ необходимости должен быть «строгим и объективным, не оставляющим места для какой-либо “меры усмотрения”».

Толкование Судом необходимости было дано в решении по делу *Никарагуа*: поскольку «крупное наступление вооруженной оппозиции было полностью отбито, было возможно устранить угрозу без того, чтобы Соединенные Штаты начали свою деятельность в Никарагуа и против нее». Исходя

²² См.: Barber R.J. Cooperating through the General Assembly to end serious breaches of peremptory norms // International and comparative law quarterly. 2022. Vol. 71. Iss. 1. Pp. 1–35.

из этого, Суд пришел к выводу, что требование необходимости не было выполнено.

Несколько иное толкование было дано в деле о нефтяных платформах. Суд отметил, что вооруженные силы США «атаковали платформу R-4, не предоставив данных о том, что эти действия были связаны с причиненным им ущербом. Судья Зимма указал, что «иранские нефтяные платформы и их возможная некоммерческая деятельность во время войны в Персидском заливе были слишком далеки от этих инцидентов (во всех смыслах этого слова)»».

Таким образом, мы можем заключить, что, по мнению Суда, для удовлетворения требования необходимости оборонительные действия в конечном счете должны быть способны предотвратить материализацию угрозы.

Что же касается требования пропорциональности, Суд не смог обеспечить его последовательное толкование, возможно, учитывая отсутствие сколько-нибудь единого мнения среди ученых. Господствует два подхода: количественный и функциональный. В некоторых случаях Суд, по-видимому, придерживался «количественного» понимания пропорциональности, при котором ущерб, который будет причинен защитными действиями, сравнивается с ущербом, который был причинен атакой. В деле *Никарагуа* Суд сравнил масштабы деятельности США в отношении Никарагуа с оказанием помощи сальвадорским вооруженным оппозиционным группам. В деле о *нефтяных платформах* Суд добавил, что соразмерность защитных действий должна оцениваться не в отношении конкретного деяния «в отдельности», а в масштабе «всей операции». В нем указано, что «это ответ на минирование одного военного корабля Соединенных Штатов, который был серьезно поврежден, но не потоплен, и не вызвал человеческих жертв, так что ни американская операция «Любопытный богомол» в целом, ни даже та ее часть, которая уничтожила платформы «Салман» и «Наср», не может рассматриваться, в обстоятельствах данного дела, как соразмерное применение силы в целях самообороны».

Фактически Суд близок к тому, что часто называют функциональным пониманием пропорциональности: любой ущерб, не являющийся необходимым для достижения оборонительных целей, не может считаться соразмерным.

Ряд влиятельных ученых утверждали, что функциональный подход завоевал популярность в специализированной литературе; некоторые другие данные также свидетельствуют о том, что решения Суда в пользу количественного подхода подкрепляются конкретными фактами рассматриваемых дел. Однако факт остается фактом: Суд,

по-видимому, был гораздо более благосклонен к количественному, чем к функциональному подходу к пропорциональности²³.

Заключение

Таким образом, в целом ряде случаев Международный Суд уклонялся от принятия решений в строгих рамках международного права. Тем не менее, учитывая авторитет Международного Суда, нельзя не признать его полезность в деле обеспечения международной безопасности. Во-первых, если Суд решает спор, представленный ему государствами, его решение обязательно для этих государств, и они обязаны поступать так, как это указано Судом; во-вторых, каждое решение Суда привлекает внимание широкой научной общественности и нередко становится основой для *opinio juris* государств, способствуя тем самым формированию обычных норм; в-третьих, решения Суда нередко придают прецедентное значение, и даже если такое решение оформляется в полном соответствии с национальным законодательством того или иного государства, оно приобретает важность юридического факта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Джоробеков Ж. М., Нуриев Д. Ш.* Совершение преступлений против мира и безопасности человечества как нарушение принципов международного права // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2023. Vol. 8–1(83). Pp. 32–35.
2. *Емельянова Н. Н.* Принцип мирного разрешения споров как средство обеспечения международной безопасности // *Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки*. 2012. № 3. С. 132.
3. *Коростелев С. В.* Проблема разночтений в понимании сущности институциональных усилий ООН в сфере поддержания и восстановления международного мира и безопасности // *Управленческое консультирование*. 2022. № 5 (161). С. 19–27.
4. *Кутейников А. Е.* Нормативные основания мирового порядка. ООН и другие международные организации // *Обозреватель=Observer*. 2022. № 7–8(390–391). С. 91–107.
5. *Barber R. J.* Cooperating through the General Assembly to end serious breaches of peremptory norms // *International and comparative law quarterly*. 2022. Vol. 71. Iss. 1. Pp. 1–35.
6. *Chehtman A.* The use of force at the International Court of Justice. CUP, 2021. P. 17.
7. *Solera O.* Defining the Crime of Aggression. London, 2007. Pp. 247–251.

²³ См.: *Коростелев С. В.* Проблема разночтений в понимании сущности институциональных усилий ООН в сфере поддержания и восстановления международного мира и безопасности // *Управленческое консультирование*. 2022. № 5 (161). С. 19–27.

REFERENCES

1. *Jorobekov J.M., Nuriev D.S.* Committing crimes against the peace and security of mankind as a violation of the principles of International Law // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2023. Vol. 8–1(83). Pp. 32–35 (in Russ.).
2. *Emelyanova N.N.* The principle of peaceful dispute resolution as a means of ensuring international security // *Herald of the RUDN University. Ser.: Legal Sciences*. 2012. No. 3. P. 132 (in Russ.).
3. *Korostelev S.V.* The problem of discrepancies in understanding the essence of the UN institutional efforts in the field of maintaining and restoring international peace and security // *Management Consulting*. 2022. No. 5 (161). Pp. 19–27 (in Russ.).
4. *Kuteinikov A.E.* Normative foundations of the world order. The United Nations and other international organizations // *Observer=Observer*. 2022. No. 7–8(390–391). Pp. 91–107 (in Russ.).
5. *Barber R.J.* Cooperating through the General Assembly to end serious breaches of peremptory norms // *International and comparative law quarterly*. 2022. Vol. 71. Iss. 1. Pp. 1–35.
6. *Chehtman A.* The use of force at the International Court of Justice. CUP, 2021. P. 17.
7. *Solera O.* Defining the Crime of Aggression. London, 2007. Pp. 247–251.

Сведения об авторе

ШИНКАРЕЦКАЯ Галина Георгиевна —
доктор юридических наук,
главный научный сотрудник
сектора международного права
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

SHINKARETSKAYA Galina G. —
Doctor of Law,
Chief Researcher of the International Law Sector,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia